

КУТИНА Л. Л.

ЭЛЕМЕНТЫ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В СЛОВАРЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ТИПА

Типы исторических словарей разнообразны. Их различает прежде всего (и это — одно из возможных противопоставлений) объем исторического времени, охваченного описанием. Так, существуют словари ряда исторических (а большей частью — также языковых) эпох и словари ограниченных периодов, в языковом отношении представляющих определенный этап диахронии. С широтой или узостью хронологических границ связан характер лексикографического описания, возможный объем лексикографической информации. Так, к примеру, авторы Словаря русского языка XI—XVII вв. (словарь широкого охвата) вынуждены были отказаться от грамматической характеристики глагола — части речи, которая на протяжении семи веков претерпела наиболее сильные изменения. Тексты этого словаря представляют существенно разные грамматические системы. В чешском Словаре церковнославянского языка (*Slovník jazyka staroslověnského*. Praha, 1966—1979) указывается в конце статьи синонимический ряд к описываемому слову. Но в состав такого ряда попадают в значительной мере лексические соответствия различных эпох, характеризующие лексические варианты одного, эволюционирующего во времени, текста. Синонимия же — как системная характеристика — жестко связана с единым диахроническим этапом.

Существенно с точки зрения лексикографической информации и место того или иного временного этапа в единой диахронической линии развития. Так, русские словари донационального периода (периода литературного двуязычия) вряд ли могут ставить своей задачей стилистическую характеристику словоупотребления. Собственно стилистическая характеристика возникает в рамках единого литературного языка. Лишь здесь такая категория слов, как славянизмы, получает стилистический (а не только генетический) статус и соотносится с другими категориями слов в единой стилистической системе.

Можно, как мне думается, утверждать, что словари, ориентированные на один этап диахронии, характеризующийся определенной стабильностью языковых характеристик, предоставляют более широкие возможности для интерпретации различных сторон слова. В таком словаре могут быть показаны все системные характеристики слова, что исключается для словарей, совмещающих в описании ряд языковых состояний и ряд хронологически сменяющих друг друга языковых систем.

Несомненно, большие возможности дает значительная диахроническая перспектива для построения истории слова. Зато для словарей ограниченного временного охвата возможны характеристики динамические, вписываемые в рамки динамической синхронии. Последний род характеристик особенно важен для исторических этапов, отличающихся повышенной динамичностью процессов, протекающих в словарном составе. К таким этапам относится, в частности, XVIII век в России — период складывания нового, единого литературного языка на национальной основе. Динамические характеристики — фиксация изменений в употребительности слов, значений, форм и их стилистического распределения в пределах периода — являются весьма существенными для лексикографического описания в Словаре русского языка XVIII века (Вып. 1. Л., 1984; далее — Словарь XVIII в.).

К разряду динамических характеристик в Словаре XVIII в. прежде всего относится обозначение фактов неологии — внешней (заимствования) и внутренней (образование новых слов на русской почве за счет активизации системы словообразования и семантической деривации). С неологизмами-заимствованиями в Словаре XVIII в. возникает проблема построения этимологий. И здесь мы также попадаем в область ограничений, характеризующих словари одного диахронического этапа. Словарь такого рода располагает квалифицирующими данными только для своей неологии, и — соответственно — он определяет этимологию лишь для заимствований своей эпохи. На такую позицию встали и авторы Словаря XVIII в.

К квалифицирующим данным для построения этимологии относится прежде всего набор вариантов (модификации формы) первого, начального этапа заимствования, несущий наиболее отчетливую информацию о языке (языках) — источнике заимствования, а также культурно-исторические данные, извлекаемые из анализируемых текстов, современных заимствованию.

Набор вариантов начального этапа очень нестойко и быстро меняется или исчезает в ходе адаптации. Приведем один пример. В словарях XVIII в. (второй его половины) находим слово *картуз*, для которого отмечаются три значения (1. Арт. Шерстяной мешок по калибру артиллерийского орудия, в который насыпают порох; заряд; 2. Бумажный мешок для сыпучих веществ; 3. Дорожная шапка). Это полисемантическое слово характеризуется единой стабильной формой. Между тем в первом десятилетии века мы находим два вариантных ряда, один из которых — *картуз*, *кардуз*, *картус* связан с первыми двумя значениями, а второй — *карпуц*, *карпус*, *карпуз* — с третьим значением. Первые значения восходят к франц. *cartouche*¹; этот галлицизм попал к нам через голландское (ср. голл. *Kardoes*) и немецкое (*Kartuse*) посредство; источник 3-го значения — собственно голландский язык (*karpoots* — это слово в современном голландском не сохранилось, словари XVIII в. его фиксируют, ср. также нем. *Kappus*). В ходе адаптации произошло подравнивание формы обоих слов, утрачены варианты периода вхождения и возникла единая семантическая структура на базе слияния двух омонимов. О былой их раздельности говорят только варианты начальной поры заимствования.

К таким же утраченным модификациям формы начального этапа относятся варианты: *оват* у слова *овал* (итал. *ovato*), *конселерия* — *кончелярия* (франц., итал.), *борствер* — *бруствер* (голл. *brosweer*), *казерна* — *казарма* (франц. *caserne*, нем. *Kasarme*, *Kaserne*, голл. *caserne*, швед. *casarnte*, *caserne*); *фатчад*, *фачад* — *фасад* (итал. *facciata*); *лозон* — *лозунг* (швед. *lösen*, *lösn*), *опат* — *аббат* (польск. *opat*), *акедюк* — *акведук* (франц. *aqueduc*), *релижия*, *релия*, *релья* (франц. *religion*, укр.-белорусск. *релия*, *релея*), *шлахбом* — *шлагбаум* (голл. *slagboom*), *посто* — *пост* (итал. *posto*) и др.

Нестойкость вариантов начального этапа заимствования в русском языке XVIII века связана также со сменой ведущих влияний на русский язык: для начала века — это латинский и польский языки, с 20—30-х годов — немецкий язык, с 60-х годов — французский язык. Со сменой ведущего влияния происходит переоформление ранних вариантов по нормам ведущего языка; на фоне ведущего влияния варианты, оформленные по нормам других языков, оцениваются как варваризмы и как варианты слабые из языка вытесняются. Так, в пору латино-польского ведущего влияния вытеснены из языка французские и итальянские варианты *конселерия* и *кончелярия*, *ситадель*, *дисциплина*, *релижия*; в пору ведущего немецкого влияния вытесняются многие польские, голландские, французские, английские варианты форм (латинские формы, как правило, не колеблются, ср., однако, вытеснение латинской формы *кастан* немецкой *каштан*): *семент*, *шлахбом*, *стукатура*, *сала*, *еспион*, *посто*, *пунт* и мн. др.; в пору французского влияния французские формы предпочитают не только немецким, но и латыни (ср. исчезновение вариантов *покал* «бокал», *гест* «жест», *актор*, *миниатура* и т. п.). Исключение составляют

¹ Иноязычные слова даются в орфографии XVIII века.

специальные сферы словаря, где действует зачастую свое ведущее влияние. Так, голландские заимствования в морском словаре не сменили свою форму на немецкую даже в пору ведущего немецкого влияния (слова *шеры, шторм, салинг* в морской терминологии являются сильными вариантами по отношению к немецким формам *шеры, штурм, залинг*).

В известной мере реализации указанной тенденции препятствовала также традиция в оформлении заимствованных суффиксов (ср. *молекула*—*молекуль*). Традиционно оформленные морфемы вытесняли национальные варианты морфем или дублировали их иногда и в том случае, когда заимствовалось собственно европейское слово или слова классических языков, используемые в значениях, не зафиксированных в этих последних: *прокурор* (франц.), *авантюра* (франц.). И все же в пору ведущего немецкого влияния суф. *-tet* (*-tät*) является сильной формой по отношению к другим европейским вариантам (франц. *-té*, итал. *-ta*), а суф. *-ирова(-ть)* теснит традиционное *-ова(ть)*.

Помимо модификаций формы информацию о языке — источнике заимствования несут первоначальные осмысления заимствованного слова, так же зачастую утрачиваемые в процессе адаптации.

Так, о польском влиянии, способствовавшем появлению в русском языке слова *парад*, говорят не только варианты формы *парат, порат* (польск. *parat*), но и значение «боевое снаряжение, боевая готовность войска» [ср. выражение *быть, стоять в параде*: «Неприятель в некотором логу (далее пушечной стрельбы) в порат стал». — Реляция о Полтавской баталии 1709; «Чтоб полк был в параде. Ежели учинится стрельба, чтоб стали в строй». — Архив Куракина, т. III, 104. 1790 г.]. Значение «боевая готовность» позже 20-х годов XVIII в. уже не отмечается, а формула *стоять в параде* переосмыслиется («стоять в строю для смотра»).

Подобное же быстро исчезнувшее семантическое звено слова *баталия* «войско в боевом строю и строй войска, учрежденного к бою» свидетельствует о польском, шведском, английском словоупотреблении, не характерном ни для языка-источника (французский, итальянский), ни для немецкого языкового посредства. В этих языках данное значение передается словосочетаниями *ordre de bataille, corps de bataille*.

К ориентирам начальной поры заимствования, утрачиваемым впоследствии, относятся и первичные лексические связи заимствованных слов в новой, принявшей их среде. Особенностью начального периода вхождения слова является то, что оно еще не располагает в новом языке нужным набором лексических контекстов для своей реализации. При недостатке типических контекстов при заимствовании слова нередко калькируются его лексические связи. По характеру калек можно судить о языковой среде, из которой пришло заимствование. Так, контексты *армия лежала у Брю, штраф на теле, разрезать коммуникацию, равнобегающие линии* говорят о немецкой языковой среде, из которой или через которую шло заимствование (ср. нем. *die Armee liegt bey...*, *Straff am Leib* «телесное наказание», *die Kommunikation durchschneiden, gleichlaufende Linie* «параллельные»); контексты *стрелять в брешь, последний, крайний секрет, делать партию против кого-л.* и под. говорят о французской языковой среде (ср. *battre en brèche* «делать брешь», *le dernier secret, faire un partie* «злоумышлять против кого-л.») и т. п.

К культурно-историческим данным начального периода заимствования имеющим диагностирующую силу для этимологии, относятся текстовые данные, извлекаемые из сопоставления книг параллельной печати. Практика параллельной печати особенно широко применима в первой половине XVIII в.: Устав морской — на голландском и русском языках, Сигналы во флоте — на русском, голландском, английском, итальянском языках, Устав воинский, Устав вексельный — на русском и немецком языках. Параллельной печатью (русской и немецкой) издавалась газета «Санкт-петербургские ведомости» (1728—1800 гг.) и первый научно-популярный журнал «Примечания к Ведомостям». (1728—1742 гг.). Далее — тексты, репрезентирующие речевую манеру двуязычных лиц при наличии сведений о характере их двуязычия (возможность итальянизмов у Б. Куракина,

англицизмов у М. Воронцова, галлицизмов у А. Кантемира и под.); тексты, корреспондирующие с иноязычными документами (ответы на грамоты иностранных дворов, иностранных корреспондентов, допросы пленных и т. п.); переводы. Особенность таких текстов — вольное или невольное повторение словоупотребления текстов иноязычных.

Такой же диагностирующей силой обладают сведения о наличии материальных и культурных связей какой-либо функциональной сферы словаря с определенным языком (для XVIII в.: корабельная терминология — голландский, английский, итальянский языки; горное дело, металлургия — немецкий язык; архитектура — итальянский, французский языки; музыка — итальянский язык, научные тексты — латынь, греческий язык и т. п.).

Данными такого рода располагает Словарь XVIII в. только по отношению к своей неологии. С этим связано ограничение круга этимологизируемых слов и выражений. И в этом отличие исторического словаря определенного диахронического этапа от общих словарей литературного языка, дающих этимологическую характеристику заимствованиям различных исторических эпох.

От специфики описываемой словарем эпохи зависит и постановка вопроса об источнике заимствования. Для языка XVIII в. существенен учет многоконтakтности, т. е. наличия одновременных контактов с рядом европейских (и славянских) языков и получения слов общеевропейской распространенности в различной национальной трансформации. Особенно широк спектр контактирующих языков в Петровскую эпоху (латинский, польский, немецкий, французский, итальянский, английский, голландский, датский, шведский); но многоконтakтность характеризует и другие этапы развития языка XVIII в.

Выше приводился ряд примеров фонетических/фонематических вариантов начального этапа заимствования. Их форма отчетливо указывает на различную национальную среду, из которой они получены: *религия, релижия, релия, релѣя* (лат., польск., франц., укр.-белорусск.); *вулкан, волкан* (итал. *vulcano*, нем. *Wulcan*, франц., исп. *volcan*); *шпага, спада, спага* (итал. *spada*, польск. *szpada*); *бисквит, бишкот* (франц. *biscuit*, итал. *biscotto*); *тюльпан, тюлип* (нем. *Tulipan*, франц. *tulip*); *ниша, нича* (франц. *niche*, итал. *nicchia*); *мускул, мускуль, мускль* (лат. *musculus*, польск. *muskuł*, франц. *muscle*); *колонна, колумена* (лат. *columna*, итал. *colonna*) и т. п.

Характернейшее свидетельство многоконтakтности — получение лексем, оформленных европейскими интернациональными суффиксами в различных национальных модификациях. Так, модификации в европейских языках латинского именного суффикса *-tio (-tionem)*, именного суффикса *-tas (-tatem)*, глагольного суффикса *-idiare/-izare* (из греч. *-i (-ειν)*) — источник появления в русском языке XVIII в. вариантных рядов типа *куриозитет — куриозита — куриозите* (контакты с немецким, итальянским, французским языками), *социетет — социете — социета — социетас; дирекция — дирекцио — дирекцион; капитуляция — капитуляцио — капитуляцион; акция — акцион, ауторитет — ауторита; квалитет — квалита* и т. п.

То же относится к оформлению общих корней генетически родственными соотносительными суффиксами в отдельных группах европейских языков: лат. *-ntia*, франц. *-ns*, итал. *-nza* и русский вариантный ряд *алианция — альянс — альянца; финанция — финанц(ы) — финанс(ы)*; лат. *-ari, -or*, франц. *-aire, -ier, -eur*, нем. *-er, -irer*, англ. *-er* — на русской почве: *актер — актер, газетьер — газетир — газетиер, банкир — банкиер — банкир, дезертир — дезертор — дезертер*; франц. *-ill*, исп. *-illo, -illa*, итал. *-iglio, -iglia* — на русской почве: *флотилла — флотилья — флотиль, ванилла — ванилья — ваниль, виолончель — виолончелла*; лат. *-ul*, нем. *-el* — *циркуль — циркель, купол — купул — купель, спектакль — спектакель*; лат. *-tura*, итал. *-tura*, франц. *-ture* — *авантура — авантюра, миниатура — миниатюра* и т. п.

О многоконтakтности говорят и колебания в объеме значения. Слово *аммуниция* (вариант *моницион, муница*) определялось как слово, имею-

щее два значения: 1) военные припасы, 2) снаряжение воина. Если в военные припасы мыслится включенным металл — свидетельство шведского словоупотребления; если в снаряжение воина включается провиант — свидетельство французского словоупотребления; если военные припасы мыслятся лишь как относящиеся к артиллерии — свидетельство польского словоупотребления и т. п.

В условиях многоконтактности при построении этимологии существенно выделение двух вех: язык-источник и языки (язык)-посредники, из которых слово непосредственно попадает в язык и которые в большинстве случаев определяют его форму; содержание слова, его значение — единое для языка-источника и посредников.

Подобный подход строится на принципе отправителя, а не получателя. Если, к примеру, во французском военном языке возникло какое-либо слово (*батальон*, *батарея*, *парад* и т. п.) и его восприняли все языки Европы, оно будет считаться галлицизмом в любом из них. Сообразно же принципу получателя такое слово может расцениваться как галлицизм в немецком языке, как германизм в польском или датском, как полонизм в русском и т. п. Примат формы, который выдвигают обычно сторонники принципа получателя, не абсолютен. Слово *корпус* (воен.) в русском языке имеет латинизированную оболочку, форму, но получено оно нами из национальных языков Европы. Семантически возможно воздействие ряда европейских языков, усвоивших это значение, сложившееся на французской (*corps*) и итальянской (*corpo*) почве. Со стороны формы возможно воздействие латинизма *корпус* (уже бытовавшего в русском языке в иных значениях), а также шведского, датского, польского словоупотребления в военной сфере (ср. швед. *corpus*, *corpo*, дат. *Korpus*, *Korpo*, польск. *Korpus*). Контакты со всеми этими языками в пору заимствования слова доказаны документально.

Осложняющим моментом в построении этимологии является наличие двух языков в качестве источника заимствования в том случае, если у каждого из них свои посредники в передаче слова на русский язык. В этих случаях целесообразно совмещение в этимологической строке двух этимологий. *Флот* и *Флота*: а) франц. *flotte*, непосредственно и через голл. *vloot*; б) итал. *flotta*, непосредственно и через польск. *flota*.

Но полный путь слова от источника до русского языка (этимологическая цепочка) для исторического словаря принимающего языка безразличен: в этом отличие исторического словаря от этимологического. Так, пути слова *кавалерия* в русский язык можно представить в виде трех отдельных цепочек: итальянский — польский — русский; итальянский — французский — русский, итальянский — французский — немецкий — русский. Этимологическая строка словаря эти данные обобщает: *Кавалерия*. Итал. *cavalleria*, через польск. *kawaleryja* или франц. *cavallerie*, нем. *Cavallerie*.

При решении вопроса о языке-источнике обязательным является учет значения этимологизируемой единицы, т. е. единицей заимствования признается лексико-семантический вариант, а не слово как некая совокупность таких вариантов. Соответственно, язык-источник — это тот язык, к исконному словарю которого принадлежит заимствованное в русский язык слово в данном его значении. С исконным словарем языка-источника объединяются при этом иноязычные заимствования в нем, развившие там те значения, с которыми они попадают в русский язык. Так, латинизм, давший семантическое новообразование во французском языке, квалифицируется как галлицизм, а французское слово, давшее семантическое новообразование в немецком языке — как германизм. Франц. слово *adresse*, заимствованное в английский язык, развило там политическое значение «письменное заявление какого-нибудь конституционного органа или группы населения главе правительства, а также групповое обращение к кому-л. с изъяснением каких-либо чувств». В XVIII в. слово *адресс* в этом значении попадает в русский язык. Языком-источником этого заимствования мы назовем английский язык. В отличие от генетического источника такой источник может быть назван конкретно-историческим.

Из сказанного явствует, что учет значения при построении этимологии предполагает возможность указания нескольких этимологий у полисемантического слова. Так, например:

Адрес. 1. Франц. *adresse*, непоср. и через польск. *adres*, нем. *Adresse*. Надпись на письме с обозначением лица и места жительства. 2. Франц. *adresse*, непоср. и через нем. *Adresse*. Фин. Надпись на векселе. 3. Англ. *address* < франц. Полит. Обращение к главе правительства.

Дивизия, вариант *Дивизио*, *Дивизион*. 1. Лат. *divisio*. Деление. 2. Воен. франц. *division* < лат.

Парад, вариант *парад*. 1. Польск. *parat* < франц. Боевое снаряжение, боевая готовность войск. Стоять в параде. 2. Франц. *parade*. Смотр солдат перед разводом караула. 3. Нем. *Parade-Platz*. Площадь для развода караулов.

Мануфактура. 1. Ср.-лат. *manufactura*, через франц. *manufacture*, англ. *manufacture*. Изготовление, рукоделие. 2. Англ. *manufacture*. Мануфактурные изделия; текстиль, ткани.

Сложным является и установление конкретно-исторического источника при этимологизировании научных слов, терминов, возникавших в эпоху позднего Средневековья, Возрождения, начала Нового времени. Эти слова создавались в определенных национальных регионах, но строительным материалом при их конструировании были корни и аффиксы латинского и греческого языков (ср. *атмосфера*, *аттракция* и т. п.). По отношению ко многим терминам известно имя их создателя. Так, *логарифм* — слово, введенное Нипером, *инерция* — Ньютоном, *утопия* — Мором и т. п. Можно ли называть эти слова англицизмами и в словаре указывать при них английскую этимологию? Думается, что сложность здесь состоит в том, что в пору их создания научная литература продуцировалась и на латинском (ученая латынь), и на национальных языках Европы. Положение и функционирование нового слова в языке научной латыни затрудняет квалификацию его как английского слова. Для подобных слов, видимо, целесообразнее указать на их латинскую природу, дополнив латинскую этимологию сведениями о том, где или когда они созданы. Ср. статью на слово *аттракция* в Словаре русского языка XVIII века, где такое дополнительное указание содержит иллюстративный материал.

Аттракция. Лат. *attractio*, непоср. или через франц. *attraction*. Физ. Притяжение, привлечение. Ньютон, философ аглинский, показал, что все тела в твари взаимно себя по неким правилам привлекают. Ту силу телес называет аттракциею. Кантемир, Сатира VII, Примеч., 161.

Построение этимологий при заимствованных словах — обычный пункт программы лексикографических описаний. Но исторические словари стоят сейчас перед настоятельной необходимостью давать этимологические справки при словах, значениях слов, словосочетаниях, фразеологизмах, представляющих собою результат калькирования — структурного или семантического. Фронтальное проведение такого описания зависит от разработанности исторической лексикологии того или иного периода. Нынешнее состояние русской исторической лексикологии таково, что словарные работы не находят в ней нужной опоры, прочного фундамента. Словарные описания по необходимости сопрягаются сейчас с изысканиями лексикологическими. Возможности таких изысканий, естественно, достаточно ограничены, и тем не менее вводить в программу лексикографических описаний этимологические справки такого рода необходимо.

Наиболее открыт для наблюдений (по ограниченному набору контекстов и сериям специализированных употреблений) язык научный и язык поэтический. Принцип калькирующего перевода в этих сферах языка использовался чрезвычайно широко. Словарь XVIII в. вводит за знаком «сравни» (ср.) этимологические указания такого рода: *созвездие* (ср. лат. *constellatio*), *насекомое*, *несекое* (ср. лат. *insectum*), *преломление* (ср. лат. *refractio*, франц. *refraction*), *равновесие* (ср. лат. *aequilibris*, нем. *Gleichgewicht*), *полуостров* (ср. лат. *peninsula*, нем. *Halbinsel*); *самопознание* (ср. нем. *Selbsterkenntniß*); *угол впадения* (ср. лат. *angulus incidentiae*, нем. *Einfallwinckel*), *сила тяжести* (ср. лат. *vis gravitatis*), *царская водка* (ср.

лат. *aqua regis*); *береговое право* (ср. лат. *jus litoris*, нем. *Strandrecht*); *низкое море «отлив»* (ср. франц. *la mer basse*); *слезы Авроры «роса»* (ср. франц. *les pleurs de l'Aurore*) и т. п.

Подобную же этимологическую ориентацию получают в Словаре XVIII в. выявленные семантические кальки, факты семантической индукции: *косность*, физ. (ср. лат. *inertia*), *век* (ср. лат. *seculum*), *памятник* (ср. лат. *monumentum*), *корень*, мат. (ср. лат. *radix*), *спутник*, астр. (ср. лат. *satellit*), *вкус* (ср. франц. *goût*), *промышленность* (ср. франц. *industrie*, лат. *industria*), *влияние* (ср. франц. *influence*), *впечатление* (ср. франц. *impression*) и т. п.

Словарь XVIII в. старается выявить и отметить также иноязычные источники фразеологизмов: *платить тою же монетой* (ср. франц. *ill'a payé en même monnaie*), *возвратить (кого) к самому себе* (франц. *se rendre à lui-même*), *поставить (утвердить) ногу где* (ср. нем. *festen Fuß fassen*), *башни на воздухе строить* (ср. нем. *Schlößer in die Luft bauen*) и т. п.

Приводит Словарь XVIII в. и факты бесспорно калькированных синтаксических связей, например: *зависеть на чем, в ком-чем, от кого-чего* (ср. польск. *zawisnąć od kogo, na czym, w czym*); *влияние на что, над чем* (ср. франц. *influence sur qn*) с примечанием в справочном отделе словарной статьи: «Influence переводят влияние, и не смотря на то, что глагол вливать требует предлога в..., располагают нововыдуманное слово сие по французской грамматике, ставя его по свойству их языка с предлогом на: *faire l'influence sur les esprits*, делать влияние на разумы» (Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка, СПб., 1803 г., с. 25).

Предприняв попытку квалификации фактов калькирования в русском языке XVIII в., составители Словаря русского языка XVIII в. отдают себе отчет в том, что они смогут осуществить лишь часть необходимой работы; полное осуществление ее должно стать плодом усилий многих историков-русистов.